многія другія разновидности крайняго раціонализма), дѣйствительно, между собою непримиримы, между ними возможна только борьба и никакихъ компромиссовъ. Разумѣется, это не распространяется въ такой степени на вопросы этики, гдѣ наблюдается менѣе разногласій, больше согласія.

И несмотря на все это, нефанатизированное, безпристрастное сознаніе не можетъ относиться къ „еретику“ Толстому, какъ къ „язычнику и мытарю“, т.-е. какъ къ совершенно чужому для Церкви. Даже и отлученный Толстой остается близокъ къ Церкви, соединяясь съ Ней какими-то незримыми, подпочвенными связями. Можетъ быть, здѣсь сказывается обаяніе художника, прежде умѣвшаго подойти къ интимной сторонѣ православія, да и позднѣе хотя безсильно къ нему тянувшагося (вспомнимъ его путешествія въ Оптину, его попытки подойти къ народной вѣрѣ, описанныя въ *Исповѣди*). Сердце не чувствуетъ его окончательно оторвавшимся отъ связи церковной, въ этомъ отрывѣ видится скорѣе какое-то временное недоразумѣніе, которое вотъ—вотъ можетъ выясниться, завѣса упадетъ, и Толстой самъ лучше пойметъ себя, нежели доселѣ. Такое чувство не оставляло меня при жизни Толстого и—странно сказать—не вполнѣ оставляетъ и теперь, хотя въ эмпирически осязательной формѣ этого проясненія и не совершилось. Даже и теперь трудно отказаться отъ чувства какъ бы церковной связи съ нимъ, и, думается мнѣ, это чувство не приходитъ въ противорѣчіе съ духомъ Церкви и любви церковной. Таковы чувства. Но есть и объективныя основанія, по которымъ Церковь не можетъ разсматривать Толстого только какъ, напр., Арія или другого ересіарха. Вѣдь нельзя забывать, что дѣятельность Толстого относится къ эпохѣ глубокаго религіознаго упадка въ русскомъ обществѣ. Своимъ вліяніемъ онъ оказалъ и оказываетъ положительное вліяніе въ смыслѣ общаго пробужденія религіозныхъ запросовъ. Оно уподобляется въ этомъ смыслѣ вліянію тѣхъ мыслителей древности, которые были „дѣтоводителями ко Христу“ и „христіанами до Христа“, или же религіозныхъ проповѣдниковъ въ странахъ нехристіанскихъ. Грустно приравнивать наше просвѣщенное общество къ языческому, но вѣдь оно въ дѣйствительности таково. Изображенія нѣкоторыхъ изъ этихъ безсознательныхъ служителей Христовыхъ Церковь помѣщаетъ даже въ притворахъ храмовъ, на-ряду съ иконами. И тамъ, гдѣ есть мѣсто Сократу, Платону,